

декабрь

И я написал Ельцину:
оставаться министром не считаю возможным.

Юрий Соломин:

НЕ ХОЧУ БЫТЬ
АДЬЮТАНТОМ!

туры при правительстве; Отдел стратегии культурной политики при правительстве; Министерство культуры, практически без функций, и Государственное агентство охраны культурных памятников России.

— *Вместо одного министерства — четыре? Значит, те деньги, которые должны были бы идти собственно на культуру, пойдут на создание новой бюрократии? При этом, как я понимаю, решить будет ничего невозможно, ибо из Совета по развитию культуры тогда будут посланы в Отдел стратегии культурной политики. И обратно.*

— А руководить всем этим будет правительственный чиновник, который — в отличие от министра культуры — не утверждается, а назначается. Авторы проекта указа просят 100 миллионов рублей, обещают довести минимальный уровень государственного финансирования искусства до 4% национального дохода и сами же, разумеется, будут эти деньги распределять. А чтобы выглядеть «святое папы римского», они вставляют в преамбулу указа очень «современный» абзац: «Завершить последовательную департизацию учреждений культуры и искусства, обеспечить полное невмешательство органов КПСС в их текущую деятельность». Это они Министерство культуры собираются департизировать? Или театры? Музеи?

— *И, может, чего не понимаю в правительственной политике, а вообще с министрами редко разговариваю, а с отставными так просто в первый раз — объясните мне такой феномен. Утверждают человека министром культуры для того, чтобы он осуществлял культурную политику в стране. Зачем над ним должно быть аж две комиссии и как можно создавать документ, переворачивающий культурную политику с ног на голову и нести его на подноске президенту, если министр категорически против?*

— Да я сам этого не понимаю! Понимаю другое: ничего не изменилось. Снова чиновники борются с профессионалами и побуждают, снова есть желание расставить ответственность, чтобы потом не с кого было спросить. По улицам ходите? К чему привели эксперименты в области экономики, сельского хозяйства — видите? Теперь будет эксперимент в области культуры. Не подойдет этот — будет второй, третий...

Кстати, об утверждениях. За 15 месяцев, что я был министром, меня утверждали трижды. Первый раз в сентябре 1990-го, второй — когда Ельцин стал президентом и формировал новое правительство, и третий раз — это было совсем недавно — тут уж сказал Бурбулис: «На этот раз решать буду я».

— *Российскую власть приветствую, а понять ситуацию не могу. Утвердить человека, доверять ему и уже через месяц другой фактически за его спиной перевернуть всю ту работу, которой он занимается. Не понимаю! А кстати, вы знаете, кто конкретно готовил этот проект указа?*

— Насколько мне известно, помощник Бурбулиса по вопросам культуры некто Житинев, бывший партийный работник.

— *А с самим Бурбулисом вы разговаривали по этому поводу?*

— Да, мы встречались с Бурбулисом. Я говорил ему, что в ведении Министерства культуры полторы тысячи библиотек, более тысячи музеев, 360 театров, около 50 симфонических оркестров, народные промыслы, я уж не говорю о самостоятельном искусстве. Кто же будет всем этим заниматься? Закономерность простая: ликвидируется министерство, потом — музеи, библиотеки и так далее. Я говорил Бурбулису: оставьте хоть культуру в покое, ведь единственное, чем мы можем гордиться, — это наша культура. Больше ничего не осталось. Почему наши студенты-музыканты становятся лауреатами международных конкурсов? Потому, что создана система обучения музыке: школа — училище — консерватория, нередко профессора консерватории преподают в начальных учебных заведениях. А то, что у нас училища при театрах? Это ведь тоже система, создающаяся годами, зачем ее разрушать? Зачем фактически уничтожать библиотеки, которые в провинции являются чуть ли не единственным очагом культуры? Мне говорят: мол, во Франции министерства культуры нет. А я отвечаю: на острове Мальта культура слита с министерством внутренних дел, давайте и мы сольем Минкульт и КГБ.

Я говорил везде: культуре нужны деньги, если их нет — то хотя бы льготы. Культуре нужен Закон о культуре. И все. Здесь, как везде: не можете помочь, так хоть не мешайте.

— *И как же отреагировал Бурбулис?*

— Он меня выслушал.

— *Как вы считаете, он в этом споре на вашей стороне или на стороне своего помощника?*

— То, что не на моей, точно. На моей стороне, точнее, мы просто вместе выступаем, Олег Басилашвили, написавший не-

давно тревожную статью в «Российской газете», наши выдающиеся деятели культуры, выступившие в одном из последних номеров «Независимой газеты». То есть профессионалы. А вот будет ли Бурбулис содействовать появлению этого указа — мы, я думаю, скоро узнаем.

— *Кроме того, что сейчас называется модными словами «личная амбиция», чем еще, по вашему мнению, вызвано появление этого проекта указа?*

— Повторюсь, но меня удручает непрофессионализм людей, работающих в российском парламенте. Я даже не о высшем эшелоне говорю. Консультанты, разработчики программ — люди очень невысокого класса.

Может быть, это смешно, но когда мне однажды позвонил по телефону Козловский — я встал. Потому что это Иван Семенович Козловский. А тут — Житинев, Смирнов... Ну почему эти люди должны вершить судьбы российской культуры? Я не понимаю.

— *А не может ли документ быть вызван словами Ельцина о том, что в России сейчас нет денег на культуру? У нас ведь бывает так: кинет высокий руководитель снежок, а помощники быстро превратят его в снежный ком.*

— Не думаю, что это тот случай. Хотя, как мне кажется, Ельцин сказал об этом зря. Это тот случай, когда мы бы все поняли и так, однако слова эти в очередной раз принизили культуру.

— *Мы много говорим о том, что в августе у нас победила революция. Вы — член кабинета победившего правительства. Когда вам было легче работать — до революции или после?*

— Мне, конечно, трудно быть объективным: я отставной. Но раньше было лучше, легче находить общий язык и с Силаевым, и с тем кабинетом министров. 19 августа, ближе к вечеру, нам сказали: можете уходить из Белого дома, возможно, будет атака. Ни один министр не ушел, ни один...

— *Мне кажется, что когда российской культуре грозит такая беда, то министр культуры страны Николай Губенко не может оставаться в стороне, и вообще ходят слухи, что у вас с ним весьма сложные отношения.*

— Человеческие отношения вполне нормальные. Споры возникают, ибо я продолжаю отстаивать и в культуре позицию, которую высказал Ельцин: все, что находится на территории России, принадлежит России. В Москве нет ни одного музея, принадлежащего России. Ни одного! И это не формальный вопрос, просто я убежден: символы российской культуры — Большой театр, Третьяковка, Эрмитаж, Консерватория, Музей имени Пушкина должны принадлежать россиянам.

— *Но, по моему, Губенко просто обязан был высказаться по поводу ликвидации Министерства культуры России, высказать свою точку зрения.*

— Это его личное дело. Он и сам в положении: сложном в связи с преобразованием Министерства культуры СССР.

— *Мне кажется, что зрителю, слушателю совершенно все равно: будет Министерство культуры или нет, ему важно — чтоб культура была. На ваш взгляд, что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию в корне, чтобы избавиться раз и навсегда от остаточного принципа в культуре?*

— Наша жизнь — это палка о двух концах. На одном — экономика, сельское хозяйство, черная металлургия и т. д. На другом — медицина, образование, культура. Надо повернуть палку, вложить деньги в медицину, образование, культуру. Чтобы у нас выросло поколение здоровых, высокообразованных людей, тогда мы и экономикой поднимем.

— *Звучит красиво, но как-то, простите, наивно.*

— Японцы не сочли такой подход наивным и вышли из кризиса, может быть, даже более серьезного, чем наш. И, кстати говоря, принцип этот прекрасно понимали застойные руководители. Только применяли они его на себя, а не на всю страну. Спецшколы, спецбольницы, спецраспределители... Вкладывались в них деньги. Спецтеатров, правда, не было, но спецпожи были и спецброня — была. Надо перевернуть палку, иначе ничего не добьемся.

— *Не перевернут, Юрий Мефодьевич. Ваш уход действительно не скандален, он скорей — уж простите за банальность — капля, в которой очень многое отражается. Чиновники продолжают и выигрывают. И когда с одной стороны Смирнов и Житинев, а с другой — Соломин, Поленов, Басилашвили, деятели культуры, подписавшие письмо в «Независимой», я все-таки верю тем, кто жизнью доказал свою принадлежность к культуре. Жалете о потерянных 15 месяцев?*

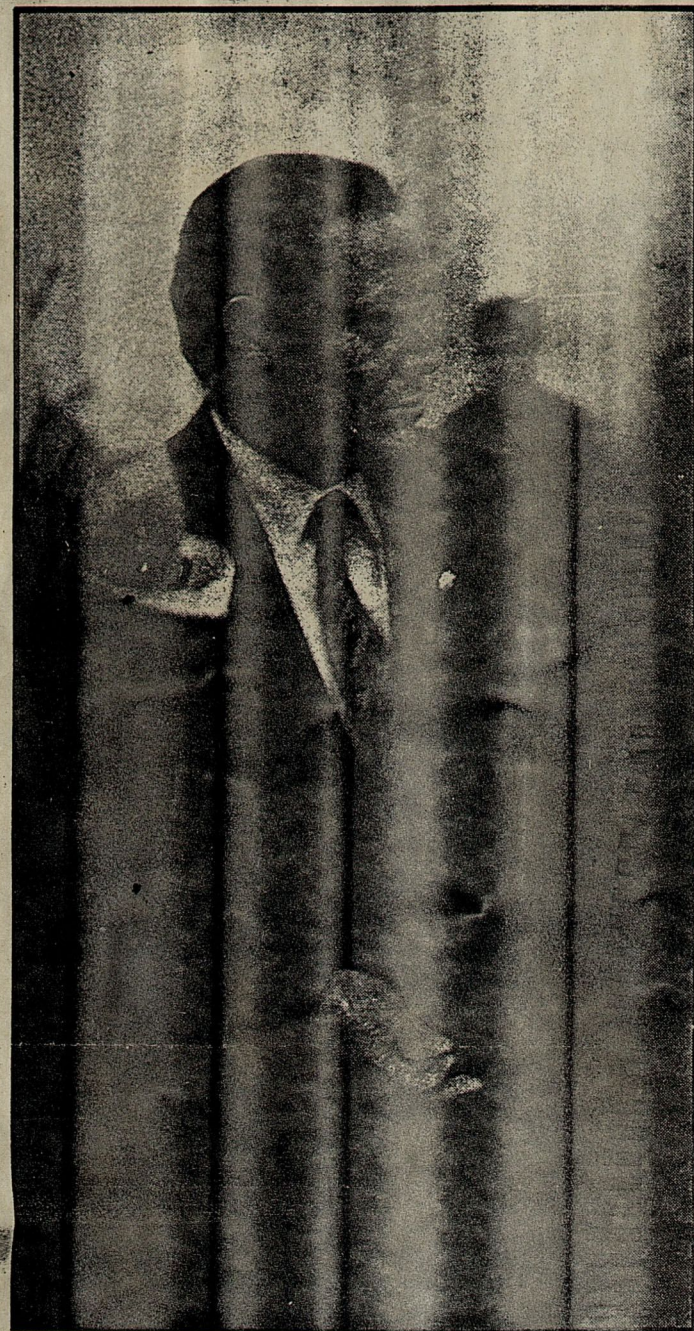
— А они не потерянные. Во-первых, кое-что все-таки удалось сделать, а во-вторых, очень многое понял.

— *Ваша отставка еще не подписана. Вы не можете вернуться?*

— Нет. Я вернулся бы при одном условии: если бы ушли те люди, которые, ничего не понимая в культуре, берутся ею руководить. Мы с ними по разные стороны баррикад. Но эти не уйдут.

... Все чаще посещаю меня ощущение нелепости происходящих событий. Вот тебе и к Ельцину, и к Бурбулису я лично — да и не я один — отношусь с огромным уважением. Но сколько могут продолжаться постоянные ссудки на то, что указы подготавливаются не квалифицированными людьми? Почему после победы в революции победители вынуждены уходить? Почему по-прежнему в противостоянии должности и личности побеждает должность? Почему, наконец, человека трижды утверждают на должность и не дают работать? Нелепо, бессмысленно и... знакомо. Так знакомо, что даже противно. Итак, еще один ушел в отставку. Кто следующий?

Андрей Максимов.

... и тогда на своем министерском бланке он написал письмо президенту России, которое заканчивалось словами: «За время, истекшее после Вашего решения, я добросовестно, в меру сил и умения, исполнил свой долг. Но в сегодняшней ситуации оставаться министром теоретического министерства не считаю возможным».

Итак — отставка. Очередная отставка в российском правительстве. Подозреваю, что она пройдет относительно бесшумно: во-первых, по поводу культуры чего и шуметь-то, а во-вторых, скандальности маловато: не воровал, контрактов сомнительных с зарубежными фирмами не заключал. Просто ушел в отставку Юрий Соломин — первый министр культуры свободной России, первый действительно деятель культуры на этом посту.

— Юрий Мефодьевич, что же случилось?

— Честно говоря, не хотел обо всем этом рассказывать: не любитель я подробных историй. Когда меня втапывают в грязь, предпочитаю отмыться и уйти. Но дело, как вы понимаете, не во мне, не в моей личной обиде. Пока был министром — отказывался от чтения лекций за границей, кстате, за валюту, и от съемок, и перед Малым театром я в долгу... Не во мне дело. Дело в том, что возникла такая ситуация, при которой над российской культурой нависла серьезная угроза.

— *Неужто все так страшно?*

— Судите сами. Знаете ли вы, что целых три ведомства в России занимаются культурой. Три! Наше министерство. Комиссия по культуре Верховного Совета, которой руководит Поленов, и комиссия при Совете Национальностей, которой руководит заместитель Абдулатипова Смирнов. С поленовской комиссией у нас самые добрые отношения, а вот со Смирновым...

— *Подозреваю, что при слове «комиссия» наш читатель уже озирается и ощущает переполненный тих. Если попросту: в российском парламенте культуру поделили между профессионалами и чиновниками, так?*

— Именно. А дальше по накатанному годами: пока комиссия во главе с Поленовым проводит в Министерстве культуры совещания всех министров культуры России и начальников управлений культуры для того, чтобы подготовить наконец Закон о культуре, под руководством Смирнова создается указ, согласно которому Министерство культуры России уничтожается. Называется проект Указа «Функции и структура государственного регулирования в сфере культуры».

— *До боли знакомая фразеология. Хорошо, уничтожается министерство, а что вместо?*

— Не просто уничтожается министерство — уничтожается государственная структура, ведающая вопросами культуры. Плохо мы это делали? Неудачно? Заменяйте людей, снимите министра, но зачем структуру-то ломать? Вместо одного министерства будут четыре бюрократические структуры: Совет по развитию куль-